

О. Г. Нугаева **O. G. Nugayeva**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**РОЛЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ
ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ
ИНТЕЛЛЕКТА И У ПОДРОСТКОВ
С НОРМАЛЬНЫМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ
РАЗВИТИЕМ**

**THE ROLE OF SYSTEMIC
FACTORS IN THE PROCESS
OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF GENDER
IDENTITY OF ADOLESCENTS
WITH INTELLECTUAL
DISORDERS AND ADOLESCENTS
WITH NORMAL INTELLECTUAL
DEVELOPMENT**

Аннотация. Рассматривается роль матери и отца как системообразующих факторов в формировании и развитии гендерной идентичности подростков с разным уровнем интеллектуального развития.

Ключевые слова: системообразующие факторы (мать, отец); гендерная идентичность; подростки с нарушением интеллекта; подростки с нормальным интеллектуальным развитием.

Сведения об авторе: Нугаева Ольга Георгиевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры специальной педагогики и специальной психологии.

Место работы: Институт специального образования, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26. nugaolga@yandex.ru.

В современных исследованиях проблема гендерной социализации детей продолжает быть актуальной. И. С. Клецина, М. Нуриева категорию социализации определяют как предмет научного анализа в гендерной практике [4; 5], Л. Э. Семенова гендерные исследования рас-

Abstract. The article is devoted to the role of mother and father as strategic factors in the formation and development of gender identity in adolescents with different levels of intellectual development.

Key words: core factors (mother, father), gender identity, adolescents with intellectual disorders, adolescents with normal intellectual development.

About the author: Nugayeva Olga Georgievna, Candidate of Psychology, Professor.

Place of employment: Department of Special Pedagogy and Special Psychology, Institute of Special Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

сматривает сквозь призму культурно-исторического подхода [6], Н. Ю. Флотская указывает на влияние трансформации традиционных стереотипов мужского и женского поведения на развитие гендерной идентичности детей и подростков [8], в работах О. А. Белобрыкиной,

М. А. Бутаевой, И. С. Клециной, М. А. Толстых, В. М. Целуйко родители рассматриваются как один из социализирующих факторов, оказывающих решающее влияние на процесс гендерной социализации детей [2; 3; 4; 7].

Говоря о базовых системообразующих факторах, оказывающих влияние на развитие и процесс формирования гендерной идентичности у подростков с разным уровнем интеллектуального развития, — девочек и мальчиков с нарушением интеллекта (НИ), девочек и мальчиков с нормальным интеллектуальным развитием (НИР), — остановим внимание на факторах «Мать» и «Отец». Рассмотрим значения этих факторов более подробно.

Образ матери у девочек с НИР (коэффициент корреляции Стьюдента $t = 0,331$) наполняется следующими характеристиками: «добрая», «хорошая», «любит меня», «умная», «лучшая подруга». Из этого ряда суждений обращает на себя внимание доминирование характеристик, касающихся отношений с матерью. Важность выделенной линии отношений находит подтверждение в суждениях, которые встречаются, но реже, в оценках образа матери: «поддерживает меня», «понимает меня», «помогает», «уважает меня», «заботится о всех членах семьи». Взгляд на мать, согласно представленному ряду высказываний, сосредоточен на взаимоотношениях, сконцентрированных полностью на ребенке. Эту картину добавляют характеристики внешних данных с подчеркиванием

типично женских качеств: «красивая», «женственная», «нежная», «самая лучшая женщина на свете», «идеал женщины». На наш взгляд, эти характеристики являются типичными для образа матери, соответствующими полоролевым стандартам. Среди суждений встречаются такие, которые характеризуют матерей с точки зрения общечеловеческих качеств и функционально выполняемых качеств матери как жены: «трудолюбивая», «отзывчивый человек», «интересный человек», «хорошая жена». Около 90 % суждений продемонстрировали положительно-эмоциональную нагрузку фактора «Мать» у девочек с НИР.

В группе девочек с НИ образ матери ($t = 0,305$), в добавление к типичным характеристикам, подобных тем, которые давали девочки контрольной группы, наделяется следующими характеристиками: «ласковая», «внимательная», «родная», «не пьет», «не курит», «нормальная», «любит (шить, готовить, прибираться)». Можно сказать, что девочки типичные составляющие образа матери дополняют характеристиками отдельных личностных свойств, подчеркивают отсутствие вредных привычек и исполнение обязанностей по дому.

Положительное эмоционально-оценочное отношение высказано девочками экспериментальной группы в 79,6 % суждений о матери.

Самыми типичными суждениями с отрицательно-эмоциональной окрашенностью оценки образа матери для девочек экспериментальной и контрольной групп яв-

ляются лишь следующие: «плохая» и «не разрешает ночевать у друзей» (девочки с НИР), «не разрешает с парнями гулять» (девочки с НИ). Данные оценки касаются негативного отношения к матери, обусловленного запрещающими санкциями по отношению к друзьям. Отличительными характеристиками негативного образа матери у девочек контрольной группы можно назвать такие: «часто придирается ко мне», «часто ругается с папой», «курит, и мне это неприятно». Отрицательные эмоции, как мы видим, касаются отношений между родителями, чрезмерной требовательности родителей в отношении детей и наличия вредных привычек. Отрицательная нагрузка фактора «Мать» у девочек с НИР присутствует в 3,6 % суждений.

В отличие от девочек контрольной группы, девочки экспериментальной группы выделяют негативно воспринимаемые характеристики своих матерей следующего плана: «самая плохая», «алкашка» (и синонимы этого слова), «нет мамы», «умерла», «злая», «не работает», «деремся друг с другом», «бросила меня». Выделенный ряд характеристик свидетельствует о переживании девочками фактов отсутствия матери, сложности семейных взаимоотношений, наркологических проблем матери. Отрицательная нагрузка фактора «Мать» представлена в 17,6 % суждений.

Сопоставляя результаты эмоционально-оценочного отношения девочек контрольной и экспериментальной групп, можно предположить, что для части девочек с НИ

матери не являются образцом для подражания и моделью для формирования адекватной гендерной идентичности. При длительном характере неблагоприятных взаимоотношений с матерью, что более вероятно при семейном воспитании, могут наблюдаться нарушения этапов становления гендерной идентичности.

Общими качествами, которые составляют образ матери у мальчиков контрольной ($t = 0,294$) и экспериментальной группы ($t = 0,223$), стали следующие качества: «хорошая», «добрая», «любит меня», «лучшая», «умная». К типичным качествам мальчики с НИР добавляют такие важные характеристики матери: «любит меня», «заботится о семье», «поглощена семейной жизнью», «всегда понимает меня», «самая классная мама на свете», «идеал женщины». В стереотипный набор качеств матери мальчики включают те, по которым можно судить о сформировавшемся идеальном образе матери: умная и красивая женщина, с любовью, вниманием и заботой хранящая домашний очаг, гендерный эталон в демонстрации модели женского поведения. Следует отметить, что у мальчиков данной группы практически отсутствуют отрицательно-эмоциональные оценки образа матери (таких всего 0,8 %).

Дополнительно к типичным качествам, выделенным мальчиками обеих групп, мальчики с НИ добавляют такие: «трудолюбивая», «работливая», «работает», «любит готовить», «хозяйственная», «не

пьет». Мать глазами мальчиков в данном контексте видится непьющей работницей, которая по общечеловеческим качествам может быть еще и «счастливой», «жизнерадостной» и «отличной женщиной». Положительно-эмоциональные оценки проявились в 86,5 % суждений. Отрицательный фон образа матери у мальчиков экспериментальной группы (8,2 %) более заметен по сравнению с экспериментальными данными мальчиков контрольной группы и включает характеристики такого рода: «пьяница», «нет мамы», «дура», «для меня никто», «уходит погулять». Даваемые характеристики позволяют высветить наркологические проблемы матерей, проблемы детей, связанные с переживанием детьми отсутствия матери в семье, проблемы взаимоотношений матерей и детей с проявлением неуважения к матери со стороны детей и с применением грубых слов в ее адрес.

В изучении определенного образа часто незаменимым становится сравнение его с другим — в нашем случае образа «Матери» с образом «Других матерей». Анализ суждений контрольных и основных групп испытуемых показал наличие стереотипизации в процессе познания другого человека. Так, положительная эмоциональная оценка сосредоточена на идентичных качествах, воспринимаемых всеми испытуемыми, а именно: «любят своих детей», «заботятся о своих детях», «добрые» и «хорошие». Разница проявляется в том, что у девочек и мальчиков с НИ качества «хоро-

шие» и «добрые» оказываются на первых местах (по мере выраженности данного высказывания в общей совокупности суждений). Эти качества проявляются в основном массиве суждений, которые можно отнести к категории эмоционального принятия образа другого даже в том случае, если штампы не способствуют построению образа другого с точностью, по принципу подобия. Однако различия в восприятии образа «Других матерей» обнаруживаются в сосредоточении суждений испытуемых контрольных групп на характере взаимоотношений матерей с детьми: «лучшие для своих детей», «лучшие подруги для своих детей». Мальчики используют такие эпитеты, как «богини», «молодцы», «добрее отцов», а девочки — «героини», «идеальны», «готовы отдать жизнь за своих детей». В основной группе девочки подчеркивают значимость понимания матерью своих детей, наличие работы у матери (возможно, это связано с нестабильной занятостью матери в сфере производительного труда) и близкую «нормальность». Мальчиками с НИ, кроме типичного образа, выделяется положительное материнское качество, обладающие которым матери «не отдают детей в детский дом». В восприятии другого человека всегда присутствует прошлый опыт взаимодействия с человеком из этой социальной группы, а также определенный уровень самосознания воспринимающего. Согласно взглядам Г. М. Андреевой, на основе ограниченного и в то же время

негативного прошлого опыта восприятие аналогичной самой группы неприязненное, что проявляется в суждениях [1]. Мы согласимся с высказыванием известного социального психолога, но отметим, что ограниченный опыт не всегда носит негативный оттенок. Можно предположить наличие у мальчиков данной экспериментальной группы негативного опыта, связанного с невыполнением матерью своих функций по воспитанию детей, оставляющим глубокий след в душе. Поэтому сам факт, что мать не отдала ребенка в детский дом, уже воспринимается положительно.

Прошлый опыт взаимодействия с другими людьми может быть и позитивным, и негативным и может проявляться в суждениях о людях. Тот факт, что другие матери воспринимаются как менее позитивные по сравнению со своей матерью, находит подтверждение в наших экспериментальных данных и характерен для всех групп испытуемых. Анализ содержания негативных оценок, данных другим матерям, у девочек с НИР (26,4 %) показал сосредоточенность всех предъявляемых к матерям претензий на их взаимоотношения с детьми. Большинство высказываний выделяют следующие стороны этих отношений: «считают своих детей всю жизнь маленькими», «не понимают», «очень строги», «относятся несправедливо», «бросают детей», «не любят своих детей». Девочками с НИ (общее количество отрицательных суждений — 41,5 %) самое большое количество выска-

званий, обращенных к области недостаточной любви и заботы к детям, относится к факту отказа большинства матерей от материнства (23,2 % от всех отрицательных оценок), что находит отражение в таких выражениях: «отказываются от своих детей», «оставляют детей в больнице», «бросают». Кроме этих качеств, девочки называют вредные привычки, касающиеся никотиновой и алкогольной зависимости (31,4 % от всех отрицательных оценок), плохое отношение к детям («лупят детей», «безответственны», «плохо общаются», «не понимают своих детей»). Оставшиеся суждения стоят несколько особняком, но дополняют общую картину образа большинства матерей, лишенных типичных для своего пола признаков: «грубые», «дикие». А завершает негативный образ матерей факт их одинокого проживания — «одиночки».

В обобщенном образе матери (34,4 %) у мальчиков с НИР также наблюдаются негативные установки, но и они подчеркивают несправедливое отношение к детям, с точки зрения долженствования отмечают отсутствие любви к детям. Остальные характеристики касаются вредных привычек, использования нецензурных выражений в речи, проявления бесчувственности и нелюбви к своим мужьям.

В обобщенном образе большинства матерей у мальчиков с НИ (35,1 %) доминируют такие негативные качества, как «плохие», «бросают своих детей», «плохо заботятся о своих детях», что свиде-

тельствует о восприятии внимания к детям со стороны матерей как недостаточного. Довершается образ матерей неполотипичными характеристиками: «жестokie», «дерутся», «наркоманы».

Обращает на себя внимание факт зависимости восприятия обобщенного образа матерей от характера взаимоотношений испытуемых со своими матерями и даваемых им соответствующих оценок ($t = 0,317$). На наш взгляд, наблюдается проецирование особенностей взаимодействия матерей со своими детьми и отношения к ним на ситуацию взаимодействия с детьми чужих матерей. Имеющийся в прошлом негативный опыт приводит к восприятию ситуации или субъекта-участника ситуации к новому неприязненному восприятию. Однако отметим, что ограниченный опыт не всегда носит негативный оттенок. Ограниченность опыта в благополучных и неблагополучных семьях обусловлена ситуацией проживания в одной семье, возможностью наблюдения модели взаимодействия только в своей семье. Поэтому подростки о семье, о родителях и о характере отношений в других семьях имеют смутное представление, связанное с уже имеющимся багажом воспринятых образов и моделей взаимодействия, и осуществляют перенос (проекцию) собственного опыта, который находит отражение в суждениях о предполагаемых качествах незнакомых людей и семей.

Анализ фактора «Отец» показал, что типичными качествами,

которые приписывают испытуемые всех групп отцам, стали такие: «хороший человек», «добрый» и «лучший», — характеризующие отцов с точки зрения соответствия общечеловеческим качествам с признаками превосходства над другими отцами. Доля выделенных качеств в совокупности эмоционально-положительных оценок, данных фактору «Отец», значительна, особенно у испытуемых экспериментальной группы. Она составляет 63,8 % у мальчиков с НИ, 58,6 % — у девочек с НИ. Хотя количественные показатели у испытуемых контрольной группы значительно ниже, но достаточно высоки и составляют у мальчиков с НИР 40,0 % и у девочек с НИР — 51,0 %. Типичные качества, предписанные полоролевыми образцами, описаны только испытуемыми контрольной группы обоего пола. Девочки с НИР акцентируют внимание на характеристиках своего отца как мужчины («классный мужик», «самый главный в семье», «идеал», «много делает по дому», «очень любит маму») и как родителя мужского пола, которому положено быть просто «хорошим отцом», который, в свою очередь, «умный» и «веселый». Мальчики с НИР также выделяют очень важные характеристики, относящиеся к полотипичным мужским качествам, такие как «все может», «хороший работник», «крутой», «клевый». Мальчиками подчеркивается примерное выполнение отцовских обязанностей — «хороший отец», «нормальный папаша», находится

сходство с отцом — «в молодости был как я»). Наличие интересубъективной оценки в суждениях о своем отце свидетельствует о том, что представление о другом человеке связано с представлением о самом себе как представителе одного с ним пола и чем полнее, разнообразнее подросток воспринимает положительные качества, свойственные лицам своего пола, тем более дифференцированным становится восприятие самого себя с точки зрения соответствия полоролевым образцам.

У мальчиков и девочек с НИ имеются немногочисленные суждения по поводу выделения у отцов качеств, соответствующих представлению испытуемых о полоролевых образцах поведения представителей мужского пола — «много работает». Данную характеристику можно отнести к соответствующей полу характеристике лишь косвенно, поскольку много работать в нашей культуре свойственно не только мужчинам, но и женщинам. Девочки совокупный образ отца дополняют немногочисленными характеристиками, которые свидетельствуют о проявлении внимания и заботы к девочкам со стороны отца («поможет во всем», «заботливый»). У мальчиков встречаются единичные суждения, касающиеся личностных качеств — «умный», «нормальный», «честный», — которые могут быть приписаны как представителям мужского, так и женского пола. Скорее всего, данный факт может свидетельствовать о размытой идентичности, о не-

сформированности полоролевых представлений, касающихся противоположного пола.

Сравнительный анализ суждений показал, что больше положительно-эмоциональных оценок отцам дают мальчики (71,4 % — мальчики НИР и 58,0 % — мальчики с НИ), девочки положительные качества у своих отцов выделяют реже (54,2 % — девочки с НИР и 43,8 % — девочки с НИ). У мальчиков образ отца воспринимается как более привлекательный в сравнении с представлениями девочек об отце. Это может свидетельствовать о значимой роли отца в становлении гендерной идентичности даже в случаях редкого присутствия отца дома из-за большой занятости на работе. Сравнение количественных данных по всем группам испытуемых показывает, что у мальчиков и девочек с НИ — более низкие показатели положительной представленности образа отца в оценочных суждениях. Для того, чтобы выяснить причину меньшей привлекательности образа отца для девочек, остановимся более подробно на анализе эмоционально-оценочного отношения с отрицательной нагрузкой.

У девочек обеих экспериментальных групп образ отца наделен достаточно богатым набором характеристик негативного толка; особенное их разнообразие наблюдается у девочек с НИ (58,2 %). В основном содержании отрицательно-эмоциональных оценок можно выделить несколько направлений критического анализа образа

отца: отсутствие или эпизодическое проживание отца в семье («нет отца», «редко живет дома»); наркологические проблемы («пьет», «никогда не бросит пить»); недостаточный уровень общения («не обращает внимания», «редко общается»); недоброжелательное отношение отца к семье («не любит нашу семью», «не хочет нас знать», «уйдет к другой»); неконструктивное взаимодействие отца с детьми («бьет», «кричит», «ругает», «выгоняет на улицу»); негативные личностные свойства («злой», «строгий», «плохой»). Девочки широко используют грубые слова, которые свидетельствуют о негативно воспринимаемом образе отца: «дурак», «нахал», «полный придурок», «настоящий тюремщик», а также молодежный сленг («лох») и ненормативную лексику.

Для девочек с НИР (45,1 % негативных оценок) актуальными являются следующие направления анализа негативного образа отца: занятость отца семейными делами и мероприятиями («редко бывает дома») в противовес отсутствию отца в семье у девочек с НИ; недостаточный уровень общения, что подтверждается такими характеристиками, как «не занимается со мной», «не помогает», «редко общается»; неконструктивное взаимодействие с детьми («ругается»); неблагоприятные личностные черты («строгий», «плохой»), а также нелицеприятные слова («дурак») по отношению к своему отцу.

Для мальчиков с НИР также характерны высказывания с нега-

тивной оценкой образа отца, однако их представленность в суждениях значительно меньше (28,6 %), все претензии к отцу касаются личностных свойств («плохой», «злой», «эгоист»), наркологических проблем, которые характеризуются единичными мягкими выражениями («перебарщивает с водкой»), и восприятия отца как не самого умного, выраженного в грубой форме («дурак»).

Негативно-эмоциональные оценки отца мальчиками с НИ (35,8 %) касаются проблем отсутствия отца в семье («нет отца»), алкогольной зависимости («алкоголик»), отношений отца к детям («не очень меня любит», «неправильно со мной поступает») и отнесения отца к категории не совсем нормативной («ненормальный») без конкретных комментариев.

Несмотря на то что позитивное восприятие отца для мальчиков всех экспериментальных групп очевидно, тем не менее переживание негативных чувств достаточно широко представлено в суждениях испытуемых. Противоречивым фактором в развитии гендерной идентичности у детей и подростков одного пола в аспекте модели идентификации является неосознанное уподобление тому человеку, по отношению к которому испытываются негативные чувства. Можно предположить, что у мальчиков, особенно у мальчиков с НИ, высок риск развития негативной гендерной идентичности.

Кроме реальных позитивных или негативных чувств, которые

испытуемые обоего пола проявляют к своим отцам, подростками были высказаны пожелания о том, каким бы они хотели видеть отца, и в соответствии с этими пожелания-

ми нами были выделены доминирующие качества, квалифицируемые как желательные для отца (табл.).

Таблица. Доминирующие качества, выделенные испытуемыми как желательные для отца, %

Качества	Испытуемые			
	Девочки с НИР	Девочки с НИ	Мальчики с НИР	Мальчики с НИ
Был внимательный	11,3	—	13,5	—
Не пил	4,5	12,4	5,8	18,3
Не курил	4,5	—	—	—
Зарабатывал деньги	6,0	7,0	19,2	11,6
Жил с семьей	3,0	14,7	3,0	5,0
Работал	—	7,7	—	3,3
Чаще был дома	9,6	—	9,6	—
Помогал	—	—	11,5	—
Не ругался	—	6,2	—	—
Навещал	—	—	—	11,7
Был таким же	3,0	—	—	—
Купил (вещь)	—	—	—	20,0

Условные обозначения: НИР — нормальное интеллектуальное развитие; НИ — нарушение интеллекта.

В таблицу вошли только те желаемые качества отца, которые повторяются в суждениях испытуемых неоднократно. Как видим из табличных данных, для всех групп испытуемых одинаково важными оказались следующие основные качества: «не пил», «жил с семьей» и «зарабатывал деньги». Наркологическая проблема более явно обозначена в экспериментальных группах; вероятнее всего, что в семьях подростков с НИ чаще наблюдаются жизненные ситуации, связанные с употреблением отцами алкогольных напитков. Данная

проблема может оказать влияние на поведение мальчиков, поскольку реально отрицаемые качества у значимого лица того же пола могут впоследствии стать одним из условий развития негативной гендерной идентичности и сориентировать на подобную модель поведения в будущем. Отметим, однако, что «зарабатывание денег» приписывается отцам мальчиками и основной, и контрольной группы. Данный факт свидетельствует о формирующейся установке у мальчиков на выполнение одной из главных отцовских функций — материального обеспе-

чения жизнедеятельности семьи главой семейства. Анализ отдельных суждений по поводу выполнения отцами данной миссии показывает, что не все гладко складывается для мальчиков с НИ, так как суждения, подобные следующим: «устроился на работу», «работал» — и рассматриваемые как желательные, свидетельствуют как раз об обратном. Косвенным подтверждением этой мысли является выраженный прагматический, «вещный» подход к отношениям с отцом. Данный подход к отцу обнаруживает себя в таких суждениях мальчиков с НИ, как «купил мне... вещь, телефон...». Речь идет о вещах, порой требующих достаточно небольших денежных трат, что, возможно, говорит о недостаточной материальной обеспеченности семьи. Мальчики с НИР желают видеть купленной отцом вещь куда как более дорогую — машину (и даже с названием марки, например, «мерседес»), компьютер. В желаемых качествах всех испытуемых присутствует прагматизм, но у мальчиков с НИ он является преобладающим.

У девочек акцент смещается в другую плоскость: отношения с отцом — для девочек с НИР («был внимательным»); отношения с отцом, живущим отдельно от семьи — у девочек с НИ («жил с семьей», «вернулся», «приехал»). Косвенным подтверждением отсутствия мужского воспитания в семье у девочек с НИ являются такие суждения: «нашел меня», «был с нами рядом», «признал во мне дочь», «был на свободе», «был как у всех

нормальных людей», «был жив», которые служат дополнением к очевидным данным, что еще более фокусирует внимание на воспитании девочек матерями в отсутствие отца. Для девочек также существует риск переноса или воспроизводства подобной семейной ситуации в своей будущей семье вследствие отсутствия модели взаимодействия супругов в семье своих родителей.

Литература

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.
2. Белобрыкина, О. А. Рольевые функции отца и матери в системе взаимоотношений с детьми / О. А. Белобрыкина, М. А. Белобрыкина // Модели сопровождения семьи и детства: материалы 8-й Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании» (20—21 нояб. 2008 г.). — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. — 432 с.
3. Бутаева, М. А. Трансформация гендерных отношений в современной семье / М. А. Бутаева // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (5—6 мая 2010 г.). — Пенза; Ереван; Прага: Социосфера, 2010. — 212 с.
4. Клещина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клещина. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 92 с.
5. Нуриева, М. Развитие и социализация личности как предмет научного анализа в гендерной практике / М. Нуриева // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (5—6 мая 2010 г.). — Пенза; Ереван; Прага: Социосфера, 2010. — 212 с.

6. Семенова, Л. Э. Культурно-исторический подход и гендерные исследования в психологии: созвучие идей // Сибирский психол. журн. 2008. № 29. С. 23—26.
7. Толстых, М. А. Проблема становления гендерной идентичности ребенка в семье / М. А. Толстых, В. М. Целуйко // Психологические проблемы современной российской семьи : тез. 2-й Всерос. науч. конф. (25—27 окт. 2005 г.). Ч. 2 / под общ. ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. — М., 2005. — 560 с.
8. Флотская, Н. Ю. Развитие половой идентичности детей и подростков в условиях современного российского общества / Н. Ю. Флотская // Экология человека. 2004. № 5. С. 37—40.